

Квадратная фата была откинута, и перед ней предстал Юэ Цинъе.

Его белые мочки ушей слегка покраснели, судя по всему, оттого, что на улице он перепил.

Гу Цинсюань взглянула на уровень благосклонности у него над головой — тот застрял на отметке -95. Она слегка вздохнула с облегчением: хоть они и вернулись к начальной точке, по крайней мере, это было не прежние -120.

Юэ Цинъе опустился рядом с ней.

Гу Цинсюань сочла, что сейчас выдался отличный момент заработать очков благосклонности. Собравшись с мыслями, она произнесла:

— Послушай, братец Цинъе...

Юэ Цинъе холодной мартовской тучей скользнул взглядом по ее лицу, и Гу Цинсюань тут же почувствовало, как оставшиеся слова застряли в горле. Подумав немного, она решила, что мужчины, кажется, вовсе не любят, когда к ним обращаются с уменьшительным суффиксом?

Поэтому она поспешно сменила тему:

— Видишь ли, наша с тобой свадьба — это воля моего отца. Я на самом деле и сама... не особо одобряю этот брак...

Скрытый смысл был таков: меня принудили, понимаешь?

Благосклонность: -100

Гу Цинсюань озадачилась: с какой стати она упала еще на 5 очков?

— ...Я ведь намного старше тебя, и я знаю, что ты наверняка недоволен. Но ты не переживай, пройдет немного времени, и я что-нибудь придумаю, мы расторгнем этот брак...

Разве после этого ты не сможешь воссоединиться со своим нежным баяо? Разве твоя сестрица не понимающая и чуткая? Так почему же ты, черт побери, до сих пор не поднимаешь мне благосклонность?!

Благосклонность: -105

Гу Цинсюань:

Поразмыслив, Гу Цинсюань решила, что Юэ Цинье — человек чрезвычайно подозрительный. Неужели он подумал, что она играет в игры вроде «отвергай, чтобы привлечь»?

Не желая сдаваться, она продолжила:

— На самом деле... у меня есть любимый человек...

— ...так что можешь не бояться, что я стану цепляться за тебя мертвой хваткой! Смело будь со своим белым лунным светом!

Ну же, благосклонность! Благосклонность!

Уставившись на цифры над его головой, Гу Цинсюань мысленно взмолилась: да подними же ты ее, твою мать, хоть немного!!!

Однако вместо того, чтобы цифры поползли вверх, она услышала голос Юэ Цинье:

— У меня тоже есть любимый человек.

Про себя Гу Цинсюань подумала: я и так знаю, что ты любишь свое драгоценное сокровище, этого нежного баяо!

— Прекрасно, просто прекрасно, так даже лучше! Настанет подходящий момент, и мы разойдемся. Ты будешь со своим зазновой, а я — со своим.

На этот раз благосклонность, к счастью, не упала.

Ладно, проехали, отсутствие падения — уже хорошая новость.

По правде говоря, когда Юэ Цинье произнес эти слова, Гу Цинсюань почувствовала облегчение.

Что из себя представляет Юэ Цинье? Обладает скрытным и терпеливым характером, и в романе он никогда и никому не открывал свое сердце, кроме нежного баяо.

В данный момент о том, что Юэ Цинье любит нежного баяо, знали лишь немногие. Раз уж он сам пожелал признаться ей, что у него кто-то есть, не значит ли это, что он считает их людьми с одинаковой судьбой? Не означает ли это, что спустя месяц их отношения не дойдут до точки кипения, когда они обнажат мечи друг против друга?

Разве не говорят, что первый шаг к тому, чтобы стать хорошими друзьями — это раскрыть друг

другу душу?

Она и не просила, чтобы он искренне считал ее хорошей подругой, ей лишь хотелось, чтобы их отношения не были слишком скверными.

Благосклонность Юэ Цинье не выросла, но и падать перестала, что для Гу Цинсюань уже было отличной новостью.

Когда настало время ложиться спать, Гу Цинсюань, проявив крайнюю чуткость, отправилась за постельным бельем, чтобы постелить на полу.

Юэ Цинье бросил на нее леденящий взгляд:

— Ложись на кровать.

Гу Цинсюань хмыкнула и произнесла:

— Ничего страшного, абсолютно ничего! Кожа у меня толстая, а уровень культивации высок, могу и на полу поспать, заодно попрактикуюсь.

Юэ Цинье застыл с каменным лицом айсберга: благосклонность -110.

Заметив под окном несколько крадущихся силуэтов, Гу Цинсюань моментально раскусила замысел Юэ Цинье.

Кто-то подслушивал под окнами!

Вполне возможно, что это соглядатай, присланный самим отцом Юэ Цинье.

Благоразумно прижав одеяло к груди, Гу Цинсюань забралась на кровать и перешагнула через Юэ Цинье к дальней стене.

Юэ Цинье задернул полог, лег с краю и мгновенно заснул.

Гу Цинсюань никак не удавалось сомкнуть глаз. Повернувшись, она украдкой глянула на цифры, зависшие над головой Юэ Цинье.

Число сверху изменилось с -110 на -100.

И тем не менее эти -100 всё равно кололи ее, словно иголка, причиняя дискомфорт.

Хотя ее нынешний уровень культивации превосходил уровень Юэ Цинье и у нее были все возможности прикончить парня, в первый же день после перемещения в этот мир система предупредила ее: даже не смей пытаться покинуть этот мир, уничтожив главного героя. Стоит ей убить героя, как система неминуемо рухнет, и весь мир, построенный вокруг него, перестанет существовать.

Она не может его убить, а он, напротив, способен лишить ее жизни — что это за несправедливость такая?

Гу Цинсюань чертовски устала. Хотя последние дни она и ехала в паланкине, не имея возможности летать на мече, путешествия в эту эпоху — те еще мучения, от сидения в паланкине все члены жутко затекли. Стоило ее векам закрыться, как на нее обрушился тяжелый, глубокий сон.

Когда она снова открыла глаза, уже рассвело, а место рядом было совершенно пустым.

Куда это этот парень ушел спозаранку?

Лю Чжи с тазом воды в руках как раз входила в комнату:

— Госпожа, как вам спалось этой ночью?

Лю Чжи была ее личной служанкой, которая сопровождала ее от самого родового храма семьи Гу и в конце концов последовала за ней в качестве приданого.

— Так себе.

Сквозь туман в голове Гу Цинсюань смутно припомнила, что сегодняшним утром им с Юэ Цинье предстояло преподнести чай старшим. Она торопливо вылезла из постели в поисках одежды.

Она только успела одеться и умыться, как Юэ Цинье прислал за ней слугу.

Юэ Цинье подждал ее в саду. При встрече от него исходила промозглая, пробирающая до костей сырость, словно он долго бродил в предрассветном тумане.

Подошвы его обуви были перепачканы грязью и слегка намокли.

Заметив, что она уставилась на его туфли, Юэ Цинье с легкой ноткой неестественности в голосе произнес:

— Пойдем быстрее, ты и так проспала почти все утро.

В поместье Юэ всегда было чисто и убрано, откуда там взяться такой грязи? Да даже если он где-то и вляпался, к чему этот вороватый вид, выдающий человека с нечистой совестью?

— Неужели он спозаранку тайком бегал с кем-то встречаться?

Гу Цинсюань тихонько усмехнулась и, проявив понимание, не стала допытываться.

Родственников со стороны Юэ было немного, всего две ветви, и отец Юэ Цинье возглавлял старшую.

Когда они добрались до главного зала, там уже ждали четверо.

Отец Юэ Цинье, Юэ Цинцин, был дородным мужчиной среднего возраста с добродушным лицом, казалось, он мог найти общий язык с кем угодно.

Гу Цинсюань с трудом верилось, что столь доброжелательный на вид мужчина ради того, чтобы прибиться к влиятельной семье Гу, заставил собственного сына жениться на старухе, которая старше его на пятнадцать лет! Сама Гу Цинсюань не слишком-то желала признавать себя старухой, но факты оставались фактами: она была старше Юэ Цинье ровно на пятнадцать лет.

Помимо Юэ Цинцина, в зале находились мать Юэ Цинье, госпожа Чжоу, второй дядя Юэ Цинье, Юэ Цзунгэ, и его жена, госпожа Лян.

Все четверо держались исключительно любезно. При виде Гу Цинсюань они тотчас засыпали ее теплыми приветствиями, осведомившись, привыкла ли она к местной пище, хорошо ли выспалась и тому подобное.

Если подумать, Гу Цинсюань приходилась этим людям ровней по поколению. Не практикую она тайную технику семьи Гу, требующую сохранять девственность до тридцати шести лет, ребенок, которого она могла бы родить к этому возрасту, пожалуй, был бы ровесником Юэ Цинье.

После непродолжительного обмена любезностями им предстояло нанести визит самой важной особе.

Дедушке Юэ Цинье — одному из главных инициаторов этого брачного союза.

Вот только дойти до внутреннего двора старика и засвидетельствовать ему свое почтение им так и не довелось. По всей видимости, вчера из-за свадьбы внука старейшина выпил на пару

чашек больше обычного, а поскольку здоровьем он никогда особо не хвастался, сегодня утром подняться с постели он уже не смог.

Не сумев повидаться с главой семьи, Гу Цинсюань и Юэ Цинье были вынуждены повернуть назад и отправились завтракать в свой внутренний двор.

Стоило им перешагнуть порог, как в нос ударил густой аромат горячей еды.

Утреннее угощение в семье Юэ было не слишком обильным, но изысканным.

Особенно хорош оказался лотосовый суп: испуская дразнящий аромат свежести, он стоил того, чтобы выпить его до дна — после одной лишь пиалы озябшие за долгие годы руки и ноги Гу Цинсюань мгновенно согрелись.

<http://bllate.org/book/22398/2350679>